

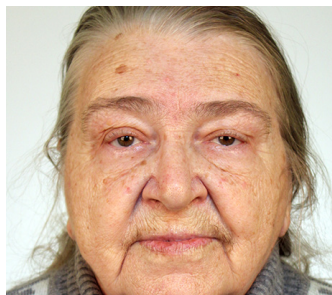
СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В ЭКОНОМИКЕ И ОБРАЗОВАНИИ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.741

Социальная адаптация младшего и старшего поколений рабочих в современной России

Ссылка для цитирования: Бессокирная Г. П. Социальная адаптация младшего и старшего поколений рабочих в современной России // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 3. С. 145–163. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.741

For citation: Bessokirnaya G. P. Social adaptation of the younger and older generations of workers in modern Russia. Vestnik instituta sotziologii. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 145–163. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.741

**Бессокирная
Галина Петровна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

gala@isras.ru

AuthorID ПИНЦ: 74344

Аннотация. В статье на основании объединённого массива данных RLMS-HSE (1994–2019 гг.) и первичных данных двух исследований на конкретном промышленном предприятии предпринят сравнительный анализ социальной адаптации младшего и старшего поколений рабочих в современной России. Изучены межпоколенческие различия в эффективности социальной адаптации двух поколений российских рабочих в течение 2006–19 гг. К младшему поколению отнесены рабочие, родившиеся в 1985 г. и позже. Их социализация осуществлялась главным образом уже в постсоветской России, а вступление в трудоспособный возраст происходило в 2000-е гг. Старшее поколение – рабочие, родившиеся не позже 1984 г. Для оценки эффективности социальной адаптации двух поколений рабочих использованы показатели удовлетворённости работой, материальным положением и жизнью в целом. Рассмотрены способы рыночного приспособления, которые служили дополнительными источниками доходов. Особое внимание уделено динамике социальной адаптации рабочих в 2014–19 гг., т. е. на фоне снижения реальных денежных доходов населения. В эти годы наряду с динамикой важнейших показателей социального самочувствия рабочих конкретного промышленного предприятия в Омске (областном центре РФ) выявлялась динамика трёх активных способов их социальной адаптации (сельскохозяйственный труд на земельном участке, вторичная занятость, образовательная деятельность). Установлено, что межпоколенческие различия в эффективности социальной адаптации российских рабочих незначительные, а с 2013 г. статистически значимые различия в удовлетворённости работой и удовлетворённости материальным положением отсутствуют. В 2015–16 гг. и в 2019 г. не зафиксировано также межпоколенческих различий в удовлетворённости жизнью в целом. В работе показано, что на социальную адап-

тацию младшего и старшего поколений рабочих преимущественное влияние оказывает социально-экономическая ситуация в стране. Важными факторами, определяющими успешность социальной адаптации, являются условия жизнедеятельности по месту жительства (в поселении определённого типа) и производственная ситуация на основной работе.

Ключевые слова: социальная адаптация, социальное самочувствие, удовлетворённость работой, удовлетворённость материальным положением, удовлетворённость жизнью в целом, сельскохозяйственный труд на земельном участке, вторичная занятость, образовательная деятельность, младшее поколение, старшее поколение, рабочие, областные центры РФ

Адаптация населения в трансформирующемся российском обществе была и остаётся важной темой для социологических исследований. Фундаментальным источником данных об адаптационных процессах является Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)¹. Основные результаты проекта с 2011 г. публикуются ежегодно в «Вестнике Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)». Динамика адаптации населения к меняющимся условиям жизнедеятельности по данным мониторинга отражена в ряде публикаций [11; 12; 14; 13]. Актуальность социологических исследований адаптационных процессов увеличилась в условиях кризиса 2014–16 гг. [21] и «новой экономической реальности», которая сложилась в нашей стране во второй половине 2010-х гг. [1]. Для изучения адаптационных практик населения в этот период кроме данных RLMS-HSE использовались данные мониторинга «Социальное самочувствие населения», реализованного ИНСАП РАНХиГС в виде восьми волн репрезентативных опросов населения в течение 2015–19 гг. [17]. Анализ адаптационного поведения населения был осуществлён также по данным восьмой волны (2018 г.) общероссийского мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН [7]. Рассмотрены и особенности адаптационных стратегий российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса (апрель 2020 г.) [18]. Предпринята попытка анализа изменений в стратегиях социально-экономической адаптации россиян на протяжении последних 30 лет [6].

Социальная адаптация городского населения является постоянным объектом анализа в ходе мониторинговых исследований, которые осуществляют сотрудники сектора изучения повседневной деятельности и бюджета времени Института социологии ФНИСЦ РАН. Особое внимание уделяется изучению социальной адаптации рабочих, поскольку они были и остаются наиболее массовой социально-профессиональной

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом Высшая школа экономики и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>)

группой среди занятого городского населения. Социальная адаптация – это процесс взаимодействия индивида и социальной среды, в результате которого индивид присваивает (потребляет) материальные условия жизнедеятельности и существования, обеспечивающие формирование его как полноценного члена общества. Социальная адаптация успешна, если социальная группа, осуществляя свою ведущую деятельность, может удовлетворять свои сформировавшиеся потребности и тем самым преодолевать (в той или иной степени) социальную напряжённость в обществе [5, с. 104–105]. Опубликованы результаты изучения социальной адаптации рабочих по данным исследований, проведённых в 1986–2014 гг. [5; 2; 3; 19; 4; 9 и др.]. В некоторых публикациях в качестве фактора, влияющего на социальную адаптацию рабочих, рассматривался возраст рабочих [9; 10]. С учётом усиливающегося внимания к анализу межпоколенческих различий при изучении социальных процессов в меняющемся обществе [20], в настоящей работе предпринят сравнительный анализ социальной адаптации младшего и старшего поколений рабочих в современной России.

Эмпирической базой являются первичные данные RLMS-HSE о трёх профессиональных группах рабочих, проживающих в областных центрах РФ¹. По коду J2COD08 это: квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом (7-я группа); квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы (8-я группа) и неквалифицированные рабочие (9-я группа). В объединённом массиве данных RLMS-HSE (1994–2019 гг.) рабочие составляют 22341 чел., в т. ч. 7-я группа – 9923 чел., 8-я группа – 7847 чел. и 9-я группа – 4571 чел. Абсолютное большинство (97,9%) респондентов работали в момент опроса. На основе анализа результатов общенациональных социологических исследований учёными Института социологии РАН установлено, что население областных центров РФ наиболее безболезненно (плавное изменение социально-психологического настроения) воспринимало кризис 2014–16 гг. [16, с. 61–62]. В областных центрах РФ проживает большая часть (38%) российских рабочих. Условия жизнедеятельности населения в данном типе поселений в качестве пространственной среды адаптации рабочих в меняющемся обществе рассматривались ранее [8].

К младшему поколению отнесены рабочие, родившиеся в 1985 г. и позже. Их социализация проходила главным образом в постсоветской России, а вступление в трудоспособный возраст произошло в 2000-е гг. К старшему поколению отнесены рабочие, родившиеся в 1984 г. и ранее. К младшему поколению в объединённом массиве данных относятся 12,4% российских рабочих. Доля младшего поколения с 2006 г. растёт из года в год, а доля старшего поколения, естественно, снижается. Младшее поколение составляло: 4,8% в 2006 г., 21,8% в 2014 г. и 29,3% в 2019 г. Как видим, доля младшего поколения среди российских рабочих и до настоящего времени существенно меньшая, чем доля старшего поколения.

¹ Областные центры РФ в мониторинге выделены как один из четырёх типов населённых пунктов. Три другие – город, посёлок городского типа, село.

Для анализа привлечены также данные двух исследований, проведённых сотрудниками сектора Института социологии ФНИСЦ РАН в 2014 и 2019 гг. на промышленном предприятии в Омске, одном из областных центров РФ. В обоих исследованиях опрошены рабочие в цехах основного производства. Численность выборки в 2014 г. – 201 чел., а в 2019 г. – 176 чел. К младшему поколению в 2014 г. принадлежали 31%, а в 2019 г. уже 39% рабочих этого промышленного предприятия.

Успешность социальной адаптации рабочих оценивалась с помощью трёх важнейших показателей их социального самочувствия: удовлетворённость работой, удовлетворённость материальным положением и удовлетворённость жизнью в целом¹. Для характеристики адаптационных процессов использована также информация о способах рыночного приспособления рабочих к меняющимся условиям труда и жизни. Особое внимание уделено анализу тенденций в социальной адаптации младшего и старшего поколений рабочих конкретного промышленного предприятия, размещённого в Омске. При анализе динамики их социальной адаптации применялся более широкий круг показателей.

Динамика социальной адаптации российских рабочих

С целью оценки межпоколенческих различий в успешности социальной адаптации осуществлён диахронный анализ трёх важнейших показателей социального самочувствия младшего и старшего поколений российских рабочих за 2006–19 гг. по объединённому массиву данных RLMS-HSE (1994–2019 гг.).

Удовлетворённость работой измерялась в мониторинге с 2002 г. В целом по объединённому массиву (18053 чел.) удовлетворены работой (4+5 баллов) более половины рабочих (54,3%), в т. ч. 53,2% рабочих младшего поколения и 59,8% рабочих старшего поколения. Не удовлетворены работой (1+2 балла) 20,3% рабочих, в т. ч. среди младшего поколения – 21,4%, а среди старшего – 14,0%. Индекс² удовлетворённости работой у опрошенных в целом – 3,42 балла, у младшего поколения – 3,57 балла, а у старшего – 3,39 балла. Связь между поколениями и удовлетворённостью работой весьма слабая (коэффициент Крамера V равен 0,068***)³.

На рисунке 1 представлена динамика удовлетворённости работой младшего и старшего поколений российских рабочих.

¹ Для измерения показателей использованы 5-балльные шкалы: «Совсем не удовлетворены» – 1 балл; «Не очень удовлетворены» – 2 балла; «И да, и нет» – 3 балла; «Скорее удовлетворены» – 4 балла; «Полностью удовлетворены» – 5 баллов. Первичные данные мониторинга были перекодированы соответствующим образом.

² Индекс – среднее значение по 5-балльной шкале.

³ Для оценки тесноты связи использованы симметричные коэффициенты Крамера V. Уровень значимости обозначен звездочками: * 5%, ** 1% и *** 0,1%. Статистически значимая связь между поколениями и тем или иным показателем социальной адаптации свидетельствует о наличии межпоколенческих различий по данному показателю.

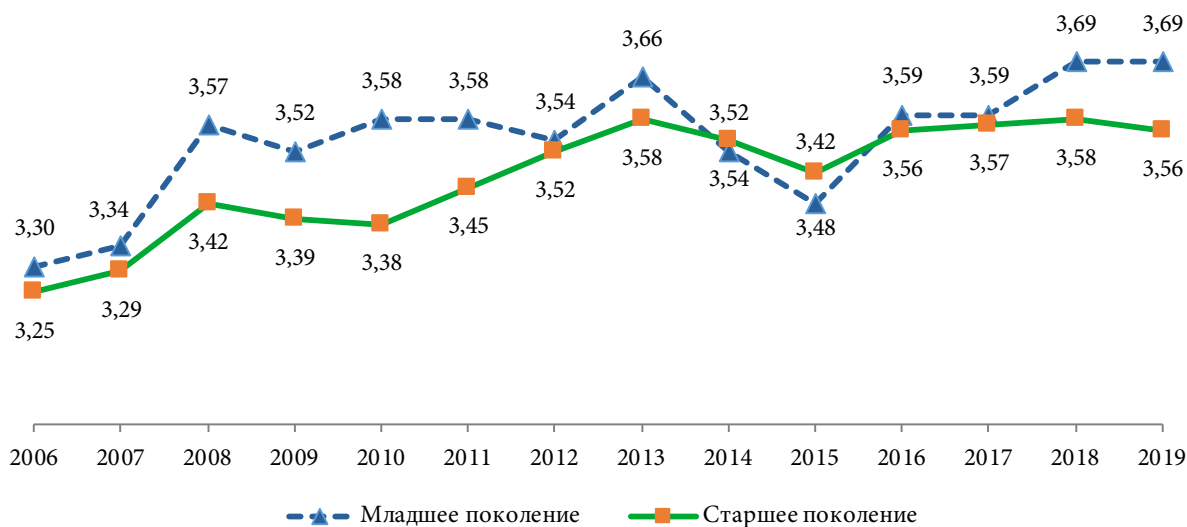

Рис. 1. Удовлетворённость работой российских рабочих, 2006–19 гг., индексы

Figure 1. Satisfaction with the work of Russian workers, 2006–19, indices

У обоих поколений рабочих оценки удовлетворённости работой выше 3 баллов и наблюдается тенденция их роста. У младшего поколения индексы за 2006–19 гг. выросли с 3,3 до 3,69 балла, а у старшего поколения – с 3,25 до 3,56 баллов. В течение всего анализируемого периода оценки несколько лучшие у младшего поколения. Однако статистически значимые различия в удовлетворённости работой были установлены только в 2009 и 2010 гг. (коэффициенты Крамера V соответственно 0,106* и 0,107*). Межпоколенческих различий в удовлетворённости работой, начиная с 2011 г., не выявлено. В 2014 г. были удовлетворены работой (4+5 баллов) большинство (59%) рабочих обоих поколений, а не удовлетворены ей (1+2 балла) – 15% старшего и 17% младшего поколения. В 2014–15 гг. наблюдалось снижение оценок удовлетворённости работой у обоих поколений, но в 2016 г. наметилась тенденция их роста. В 2017–19 гг. произошла стабилизация оценок у старшего поколения рабочих и наблюдался некоторый рост оценок у младшего. В 2019 г. были удовлетворены работой 59% старшего и 65% младшего поколения, а не удовлетворены соответственно 12 и 10%. Судя по индексам (см. рис. 1), удовлетворённость работой у обоих поколений российских рабочих вернулась на уровень 2013 г.

Удовлетворённость материальным положением измеряется в мониторинге с 2000 г. По объединённому массиву (19 585 чел.) связь между поколениями и этим показателем социального самочувствия также весьма слабая (коэффициент Крамера V равен 0,063***). Удовлетворены материальным положением (4+5 баллов) 21,8% младшего поколения и 16,4% старшего поколения рабочих. Не удовлетворены материальным положением (1+2 балла) 55,7% младшего и 63,2% старшего поколения. Индекс (среднее значение) удовлетворённости материальным положением у рабочих в целом – 2,44 балла, у младшего поколения – 2,49 балла, а у старшего – 2,31 балла.

Оценки удовлетворённости материальным положением у обоих поколений существенно ниже 3-х баллов (см. рис. 2).

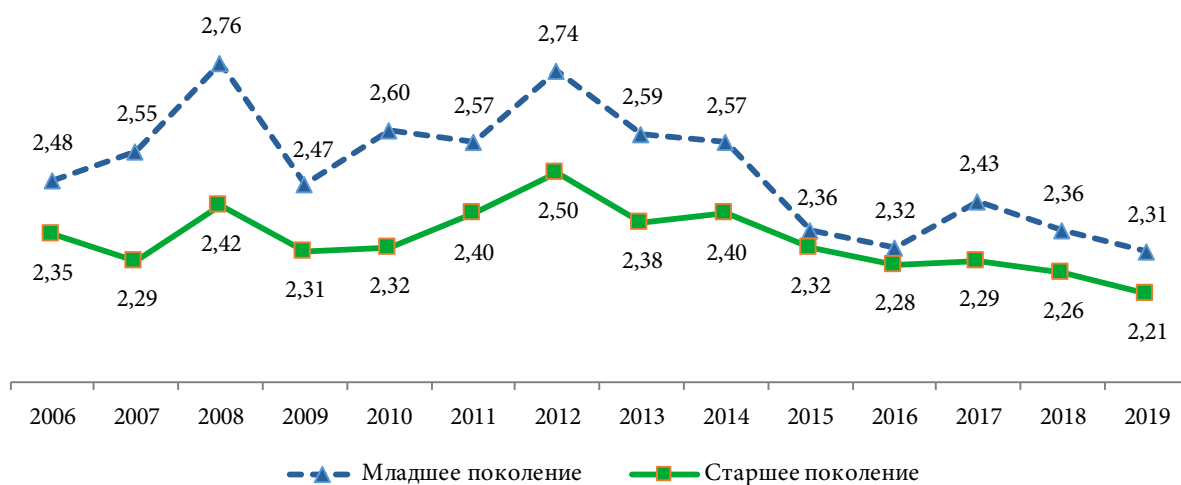

Рис. 2. Удовлетворённость материальным положением российских рабочих, 2006–19 гг., индексы

Figure 2. Satisfaction with the material situation of Russian workers, 2006–19, indices

Индексы удовлетворённости материальным положением за 2006–19 гг. снизились: у младшего поколения с 2,75 до 2,31 балла, а у старшего поколения – с 2,39 до 2,21 балла. Оценки чуть выше у младшего поколения. Однако только в трёх замерах наблюдались статистически значимые межпоколенческие различия по коэффициенту Крамера V (2008 г. – 0,124**, 2010 – 0,121*** и 2012 – 0,109*). Межпоколенческих различий в удовлетворённости материальным положением с 2013 г. не выявлено. В 2014 г. были не удовлетворены материальным положением 58% старшего поколения и 54% младшего. Удовлетворены им в тот период времени были лишь 18% старшего и 24% младшего поколения. В 2019 г. рабочих, неудовлетворённых материальным положением, стало ещё больше: 66% старшего поколения и 62% младшего. Доля рабочих, которые удовлетворены материальным положением, стала ещё меньшей: 14% старшего и 16% младшего поколения.

Данные о способах рыночного приспособления, которые служили дополнительными источниками доходов для российских рабочих, представлены в таблице 1.

Статистически значимых различий по вовлечённости во вторичную занятость между младшим и старшим поколениями российских рабочих не выявлено. Работали на дополнительной работе 9,8% представителей младшего поколения и 9,8% старшего, а оказывали услуги за плату соответственно 6,6 и 6,2%. Статистически значимая, но очень слабая связь между поколениями и способами рыночного приспособления установлена только для 3-х из 10-ти способов, перечисленных в таблице 1. Это: «выращивали что-то на своём участке на продажу или на обмен», «клали деньги в банк под проценты, давали деньги займы под проценты», «сдавали внаём квартиру, комнату, дачу, гараж, автомобиль».

Ко всем таким способам почти вдвое чаще прибегали рабочие старшего поколения. Отметим, что после кризиса 2014–16 гг. наблюдалось сокращение вторичной занятости рабочих [6, с. 156]. В 2014 г. – 10,3% российских рабочих имели дополнительную работу и 5% оказывали услуги за плату, а в 2019 г. соответственно 8,8 и 4,9%.

Таблица 1 (Table 1)

Способы рыночного приспособления рабочих в меняющемся российском обществе, 1994–2019 гг., %

Ways of market adjustment of workers in a changing Russian society, 1994–2019, %

Способы рыночного приспособления	Младшее поколение	Старшее поколение
Работали на дополнительной работе	9,8	9,8
Оказывали услуги за плату, например, подвозили кого-нибудь на машине, ремонтировали бытовую технику, нанимались делать ремонт в квартире, занимались репетиторством, оставались сидеть с ребёнком за плату	6,6	6,2
Охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу	2,3	2,2
Выращивали что-то на своём участке на продажу или на обмен	1,2	2,0
Разводили скот, птицу, рыбу, другую живность на продажу	0,3	0,2
Продавали продукцию собственного домашнего изготовления, например, пирожки, вязаные или сшитые вещи и т. п.	0,0	0,6
Сдавали внаём квартиру, комнату, дачу, гараж, автомобиль	0,7	1,2
Клади деньги в банк под проценты, давали деньги займы под проценты	0,8	1,5
Ездили за продуктами и товарами, которые потом продавали	0,5	0,4
Продавали с рук продукты или товары, которые сами не производили, например, сигареты, продукты, одежду	0,0	0,4

Удовлетворённость жизнью в целом измеряется в мониторинге с 1994 г. В объединённом массиве (22233 чел.) связь между поколениями и данным показателем социального самочувствия более тесная (коэффициент Крамера V равен 0,154***), чем связь между поколениями и удовлетворённостью работой и материальным положением.

Индексы удовлетворённости жизнью в целом российских рабочих представлены на рисунке 3.

Во всех замерах индексы удовлетворённостью жизнью в целом выше у младшего поколения. При этом различия в оценках удовлетворённости жизнью между поколениями, как правило, статистически значимые (исключение: 2006, 2015, 2016 и 2019 гг.). В 2014 г. были удовлетворены жизнью 45% старшего поколения и 53% младшего, а не удовлетворены соответственно 27 и 18%. В динамике оценок удовлетворённости жизнью в целом у двух поколений рабочих в 2013–19 гг. прослеживались неординарные тенденции. В 2013–16 гг. индексы удовлетворённостью жизнью снижались у обоих поколений рабочих, но более

быстрыми темпами у младшего поколения. Как уже отмечалось, в 2015 и 2016 гг. межпоколенческих различий не было выявлено. В 2017–19 гг. наблюдался рост индексов удовлетворённости жизнью у обоих поколений, но темпы роста были выше у младшего поколения. В 2019 г. удовлетворены жизнью в целом 51% старшего поколения и 58% младшего. Не удовлетворены – 22% старшего и 15% младшего поколения. В результате произошедших изменений индекс удовлетворённости жизнью в 2019 г. у старшего поколения вернулся к уровню 2012 г., а у младшего поколения данный показатель не только меньше соответствующего индекса 2012 г., но и не превосходит значения этого показателя социального самочувствия в более ранний период времени (2008–11 гг.). Как уже отмечалось, различия в удовлетворённости жизнью в целом между поколениями в 2019 г. не являлись статистически значимыми.

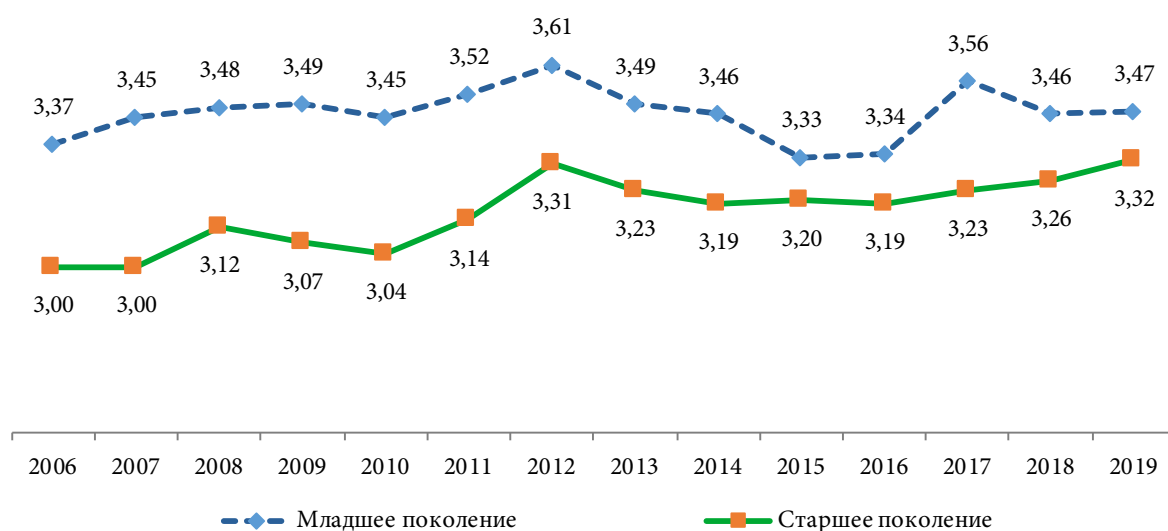

Рис. 3. Удовлетворённость жизнью в целом российских рабочих, 2006–19 гг., индексы

Figure 3. Satisfaction of Russian workers with their life in general, 2006–19, indices

Динамика социальной адаптации рабочих промышленного предприятия

Социальная адаптация младшего и старшего поколений рабочих конкретного промышленного предприятия в Омске анализировалась по данным двух исследований, проведённых в 2014 и 2019 г.

Социальное самочувствие рабочих промышленного предприятия анализировалось с помощью тех же показателей, что и социальное самочувствие российских работников по данным RLMS-HSE. В таблице 2 приведены результаты измерения удовлетворённости работой, материальным положением и жизнью в целом.

Таблица 2 (Table 2)

Динамика социального самочувствия рабочих промышленного предприятия,
Омск, 2014–19 гг.

*Dynamics of social well-being of workers at an industrial enterprise,
Omsk, 2014–19*

Годы исследований	Младшее поколение			Старшее поколение		
	4+5 (%)	1+2 (%)	Индекс	4+5 (%)	1+2 (%)	Индекс
Удовлетворённость работой						
2014	36	15	3,3	34	9	3,3
2019	36	6	3,4	63	1	3,8
Удовлетворённость материальным положением						
2014	13	58	2,2	16	60	2,2
2019	20	47	2,5	18	42	2,5
Удовлетворённость жизнью в целом						
2014	50	27	3,2	33	27	3,1
2019	56	16	3,5	39	14	3,3

Примечание. Для измерения показателей использована 5-балльная шкала: «Совершенно не удовлетворяет» – 1 балл; «Скорее не удовлетворяет, чем удовлетворяет» – 2 балла; «Частично удовлетворяет, частично нет» – 3 балла; «Скорее удовлетворяет, чем нет» – 4 балла; «Полностью удовлетворяет» – 5 баллов.

Удовлетворённость работой за 2014–2019 гг. выросла у младшего поколения с 3,3 до 3,4 балла, а у старшего поколения с 3,3 до 3,8 балла. В 2014 г. статистически значимых различий в удовлетворённости работой между двумя поколениями не наблюдалось. В обоих поколениях были удовлетворены работой менее половины рабочих (36%). Однако в 2019 г. удовлетворённость работой у старшего поколения существенно превысила этот показатель у младшего поколения: удовлетворены работой 63% старшего поколения и только чуть более трети (36%) младшего поколения. Таким образом, ярко проявились межпоколенческие различия в этом важнейшем показателе социального самочувствия (коэффициент Крамера V равен 0,291***).

Удовлетворённость материальным положением гораздо меньшая, чем удовлетворённость работой, несмотря на то, что индексы у обоих поколений выросли с 2,2 до 2,5 балла. Статистически значимых различий в оценках удовлетворённости материальным положением в двух исследованиях у младшего и старшего поколений рабочих не выявлено.

Нельзя не отметить, что в 2014 г. более половины (52%) молодых рабочих и абсолютное большинство рабочих старше 30 лет (71%) среди проблем, связанных с основной работой, называли «недостаточную для жизни заработную плату». Считали, что основная работа «даёт возможность хорошо зарабатывать» только 36% младшего поколения и 28% старшего. В 2019 г. аналогичное мнение высказало ещё меньшее число рабочих: соответственно 27 и 20%. В обоих поколениях оставалась зна-

чительной доля рабочих, которые относили себя (свою семью) по уровню доходов к бедным людям. И всё же этот показатель несколько снизился: у младшего поколения с 42 до 39%, а у старшего – с 53 до 48%.

Фактором, который может оказывать определённое влияние на материальное положение работников, являются социальные льготы, получаемые по месту работы. К сожалению, количество получателей социальных льгот на предприятии в течение последнего года существенно снизилось. В 2014 г. их было 15% среди младшего поколения и 32% – среди старшего, а в 2019 г. соответственно 9 и 7%. Таким образом, роль предприятия как субъекта социальной политики явно уменьшилась. Подчеркнём, что аналогичная ситуация типична для российских предприятий в последние годы. По данным RLMS-HSE установлено, что в кризисных условиях даже благополучные предприятия вынуждены идти на сокращение перечня и объёма социальных благ и услуг, которыми обеспечивается персонал дополнительно к обязательным социальным гарантиям [15].

Вполне ожидаемы, с нашей точки зрения, и низкие оценки справедливости по месту работы, между которыми у двух поколений рабочих промышленного предприятия не наблюдается значимых различий. Только 31% младшего и 24% старшего поколения считают, что справедливость по месту работы соблюдается (данные за 2019 г.).

Далее рассмотрим, насколько распространены различные способы адаптации среди рабочих конкретного промышленного предприятия в Омске? Какова динамика трёх активных способов адаптации за пять лет?

В таблице 3 приведены данные о включённости младшего и старшего поколений рабочих в сельскохозяйственный труд на земельных участках.

Таблица 3 (Table 3)

**Включённость рабочих промышленного предприятия
в сельскохозяйственный труд на земельных участках, Омск, 2014–19 гг., %**
*Inclusion of workers of an industrial enterprise
in agricultural labour on plots of land, Omsk, 2014–19, %*

Вопросы и ответы	Омск-2014		Омск-2019	
	Младшее поколение	Старшее поколение	Младшее поколение	Старшее поколение
Имеете ли Вы (Ваша семья) земельный участок?				
Не имеем и не хотим иметь	18	14	16	18
Не имеем, но хотели бы иметь	19	20	43	31
Имеем земельный участок	63	66	41	51
Как Вы используете излишки урожая? (Можно дать несколько вариантов ответа)				
Нет излишков	44	31	37	37
Делимся с родственниками, знакомыми	46	61	48	55
Продаём	10	4	11	6
Излишки пропадают	3	3	0	2

Судя по данным, приведённым в таблице 3, произошло снижение числа владельцев земельных участков: с 63 до 41% у младшего поколения и с 66 до 51% у старшего поколения. Одновременно выросло число рабочих, желающих иметь земельный участок. При этом наблюдался стремительный рост числа владельцев участков среди рабочих, кто ничего не выращивает и никого не содержит на своём участке. В 2019 г. таких рабочих уже 4 из 10 среди младшего поколения и 3 из 10 среди старшего. Большинство владельцев земельных участков занимаются только уходом за плодовыми деревьями и ягодными кустарниками, выращивают клубнику и зелень, а также овощи. Занимаются растениеводством и садоводством в большом объёме стабильно владельцы лишь каждого четвёртого земельного участка. На каждом десятом участке рабочие стабильно выращивают только картофель. Животноводством на земельных участках рабочие вообще перестали заниматься.

Сельскохозяйственный труд на земельном участке, как уже отмечалось ранее, практически не приносит дополнительного дохода российским рабочим (см. табл. 1). Излишки урожая чаще продают представители младшего поколения и вдвое реже – старшего. В 2014 г. соответственно 10 и 4%, а в 2019 г. – 11 и 6%. В 2019 г, как и в 2014 г., примерно половина владельцев земельных участков делились урожаем с родственниками и знакомыми.

Информация о вторичной занятости рабочих промышленного предприятия представлена в таблице 4.

Таблица 4 (Table 4)

Динамика вторичной занятости рабочих промышленного предприятия,
Омск, 2014–19 гг., %

*Dynamics of secondary employment of industrial workers,
Omsk, 2014–19, %*

Вопросы и ответы	Омск-2014		Омск-2019	
	Младшее поколение	Старшее поколение	Младшее поколение	Старшее поколение
Есть ли у Вас лично дополнительная оплачиваемая работа?				
Имею постоянную дополнительную работу	5	5	5	3
Да, я подрабатываю, но нерегулярно	21	20	21	6
Нет, но я хочу найти такую работу	45	33	47	47
Нет, и не хочу иметь такую работу	29	42	27	44

Включённость во вторичную занятость (постоянная дополнительная работа или приработки) младшего и старшего поколений в анализируемый период резко изменилась. В 2014 г. межпоколенческих различий в этом вопросе не наблюдалось. В 2019 г. зафиксирована тесная связь между поколениями и вторичной занятостью (коэффициент Крамера V равен 0,257***). При этом включённость во вторичную занятость у младшего поколения осталась на прежнем уровне (26%), а у старшего снизилась почти втрое (с 25 до 9%). Доля рабочих, жела-

ющих найти дополнительную оплачиваемую работу, среди младшего поколения также осталась практически на прежнем уровне (45 и 47%), а среди старшего поколения выросла (с 33 до 47%). Не имеют дополнительной оплачиваемой работы и не хотят её иметь только 3 из 10 представителей младшего поколения и 4 из 10 – старшего. Доля этой группы сохранилась на примерно одинаковом уровне в обоих поколениях.

В научной литературе в качестве конструктивного способа социальной адаптации населения в трансформирующемся обществе рассматривается образовательная деятельность. Результаты анализа образовательной деятельности как способа адаптации рабочих промышленных предприятий уже публиковались ранее [5, с. 120–122]. В настоящей работе представлены результаты анализа динамики образовательной деятельности рабочих промышленного предприятия в Омске за 2014–19 гг. (см. табл. 5).

Таблица 5 (Table 5)

**Образовательная деятельность рабочих промышленного предприятия,
Омск, 2014–19 гг., %**
*Educational activity of workers of an industrial enterprise,
Omsk, 2014–19, %*

Вопросы и ответы	2014		2019	
	Младшее поколение	Старшее поколение	Младшее поколение	Старшее поколение
Учитесь ли Вы в настоящее время в институте, на каких-либо курсах и т. п.?				
Нет, я нигде не учусь	84	97	94	100
Да, я учусь	16	3	6	0
Повысили ли Вы квалификацию, профессиональные знания и умения в течение последнего года?				
Да, я значительно повысил (а)	36	20	57	42
Я повысил (а), но в небольшой мере	36	36	34	42
Нет, не повысил (а)	29	44	9	16

За анализируемый период доля рабочих, обучающихся где-либо, среди младшего поколения снизилась с 16 до 6%. В 2014 г. обучались где-либо лишь 3% старшего поколения, а в 2019 г. таких рабочих среди старшего поколения не оказалось.

В то же время большинство опрошенных младшего и старшего поколений рабочих полагали, что они в течение последнего года повысили свою квалификацию (2014 г.), свои профессиональные знания и умения (2019 г.).

В 2014 г. чаще повышали квалификацию представители младшего поколения. Однако 3 из 10 среди младшего и 4 из 10 среди старшего поколения выбрали отрицательный вариант ответа на данный вопрос (см. табл. 5). Отвечая на вопрос «Если Вы не повысили свою квалификацию, то почему?» (2014 г.), рабочие старшего поколения чаще выбирали варианты ответа «Моя работа не требует повышения квалификации»

(57%) и «Имею достаточно высокую квалификацию» (43%). Среди них только 3% выбрали ответ «Нет материальной заинтересованности в повышении квалификации» и 8% – «Нет условий для повышения квалификации». У младшего поколения структура ответов иная: «Моя работа не требует повышения квалификации» (33%), «Имею достаточно высокую квалификацию» (27%), «Нет материальной заинтересованности в повышении квалификации» (27%) и «Нет условий для повышения квалификации» (20%)¹.

В 2019 г. межпоколенческих различий во включённости в процесс повышения профессиональных знаний и умений не было обнаружено. Абсолютное большинство рабочих младшего (91%) и старшего (84%) поколений в течение последнего года повысили свои профессиональные знания и умения. Отвечая на вопрос «Соответствует ли выполняемая работа Вашим профессиональным знаниям и умениям?», большинство (65% младшего и 77% старшего поколения) выбрали вариант ответа «Работа соответствует моим знаниям и умениям». Ещё 15% младшего поколения и 23% старшего выбрали вариант ответа «Работа не требует всех моих знаний и умений». Только соответственно 12 и 8% считали, что «работа требует больших знаний и умений».

В анализируемый период ориентация рабочих на повышение уровня общего и профессионального образования не растёт даже у младшего поколения (23 и 19%). У старшего поколения она существенно снизилась (с 15 до 5%)².

Ориентация на повышение квалификации за эти годы снизилась не только у старшего поколения (с 14 до 9%), но и у младшего (с 31 до 23%).

Удовлетворённость жизнью в целом у рабочих обоих поколений за пять лет на промышленном предприятии в Омске несколько увеличилась: более существенно у младшего поколения (с 3,2 до 3,5 баллов) и в меньшей степени у старшего (с 3,1 до 3,3 балла). У младшего поколения в 2014 г. половина, а в 2019 г. уже большинство (56%) рабочих были удовлетворены жизнью в целом, а число неудовлетворённых ею снизилось за этот период почти вдвое (с 27 до 16%). В 2019 г. модальной группой среди младшего поколения являлись рабочие, которые удовлетворены жизнью в целом. У старшего поколения в обоих исследованиях были удовлетворены жизнью в целом около трети рабочих (2014 г. – 33%, 2019 г. – 39%). Число рабочих, неудовлетворённых жизнью в целом, в 2019 г. среди старшего и младшего поколений примерно такое же, как и в 2014 г. (соответственно 27 и 14%). Однако модальной группой для старшего поколения в 2019 г. являлись рабочие, выбравшие вариант ответа «Частично удовлетворяет, частично нет»

¹ Сумма вариантов ответов превышает 100%, так как можно было выбрать несколько вариантов ответа.

² Ориентации рабочих на образовательную деятельность выявлялись с помощью ответов на вопрос: «Если бы Ваше свободное время значительно возросло, то на какие занятия Вы бы увеличили затраты времени?».

(3 балла). В 2014 г. межпоколенческих различий в удовлетворённости жизнью в целом не было зафиксировано, но в 2019 г. они сформировались (коэффициент Крамера V равен 0,244***).

Заключение

Анализ трёх важнейших показателей социального самочувствия по данным RLMS-HSE (2006–19 гг.) показал, что эффективность социальной адаптации рабочих в меняющемся российском обществе весьма низкая. Выявлены общие тенденции в динамике оценок удовлетворённости работой, материальным положением и жизнью в целом у младшего и старшего поколений российских рабочих. У обоих поколений оценки удовлетворённости работой и жизнью в целом незначительно улучшились, а оценки удовлетворённости материальным положением ухудшились. В течение всего анализируемого периода индексы (средние значения) всех трёх показателей у младшего поколения были несколько выше, чем у старшего поколения. По объединённому массиву данных RLMS-HSE (1994–2019 гг.) выявлены слабые, но статистически значимые связи между поколениями и всеми тремя показателями социального самочувствия. Однако с 2010 г. не наблюдается статистически значимых межпоколенческих различий по удовлетворённости работой, а с 2013 г. и по удовлетворённости материальным положением. Отсутствуют статистически значимые межпоколенческие различия и во включённости российских рабочих во вторичную занятость, которая до настоящего времени всё же остаётся наиболее распространённым способом рыночного приспособления населения к меняющимся условиям труда и жизни в современной России, приносит ему дополнительные доходы. Однако в последние годы вторичная занятость в рабочей среде сокращается. На фоне снижения реальных доходов с 2014 г. начали постепенно стираться и межпоколенческие различия в удовлетворённости жизнью в целом. В 2015, 2016 и 2019 гг. межпоколенческих различий в удовлетворённости жизнью в целом не было зафиксировано.

Результаты изучения динамики трёх показателей социального самочувствия рабочих в 2014–19 гг. на конкретном промышленном предприятии в Омске свидетельствуют о том, что индексы всех показателей увеличились в анализируемый период времени. При этом, если в 2014 г. не наблюдалось статистически значимых межпоколенческих различий по удовлетворённости работой и жизнью в целом, то в 2019 г. такие различия зафиксированы. Отсутствуют межпоколенческие различия по-прежнему только в оценках удовлетворённости материальным положением. В 2014 г. оба поколения рабочих главной проблемой, связанной с работой, считали недостаточную для жизни зарплату. В 2019 г. у обоих поколений сохранились преимущественно негативные оценки имеющихся на предприятии возможностей для получения хорошего заработка. Число получателей социальных льгот на предприятии сократилось

среди обоих поколений. По-прежнему значительна доля рабочих, которые отнесли себя (свою семью) к бедным людям. Лишь менее трети рабочих полагают, что справедливость по месту работы соблюдается.

Вовлечённость рабочих промышленного предприятия в активные способы приспособления к меняющимся условиям труда и жизни, которые могут приносить дополнительные доходы, весьма низкая. При этом вовлечённость во вторичную занятость за пять лет у младшего поколения рабочих осталась на прежнем уровне, а у старшего поколения существенно снизилась. Не увеличилась у обоих поколений и доля рабочих, которые имеют дополнительные доходы от продажи урожая, выращенного на земельном участке.

Включённость в образовательную деятельность (учёба где-либо), которая могла бы стать конструктивным способом социальной адаптации рабочих в трансформирующемся российском обществе и способствовать повышению человеческого потенциала, не растёт, к сожалению, даже у младшего поколения рабочих.

Итак, на эффективность социальной адаптации младшего и старшего поколений рабочих в современной России, наряду с общей социально-экономической ситуацией в стране, существенное влияние оказывают неодинаковые возможности для выбора активных способов приспособления к меняющимся условиям труда и жизни по месту жительства (в поселении определённого типа) и производственная ситуация на основной работе.

Библиографический список

1. Аврамова Е. М., Логинов Д. М. Адаптация населения к «новой экономической реальности» // ЭКО. 2018. № 2. С. 86–102. DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-6-86-102>
2. Бессокирная Г. П. Стратегии выживания рабочих // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 49–54.
3. Бессокирная Г. П. Социальное самочувствие рабочих // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 34–37.
4. Бессокирная Г. П. Динамика социального самочувствия рабочих в трансформирующейся России // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 21–22 августа 2014 г.: сборник научных трудов / редкол.: И. Е. Фадеева, отв. ред.; В. А. Сулимов, Л. В. Гурленова. Сыктывкар: СыктГУ, 2014. С. 179–189.
5. Бессокирная Г. П., Темницкий А. Л. Социальная адаптация рабочих в трансформирующемся обществе: основные положения программы и некоторые результаты исследований // Мир России. 2000. Т. 9. № 4. С. 103–124.

6. Каравай А. В. Изменения в стратегиях социально-экономической адаптации россиян в конце XX–начале XXI вв. // Journal of Institutional Studies. 2020. Т. 12. № 1. С. 144–159. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159>
7. Каравай А. В. Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 3. С. 128–145. DOI: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145>
8. Караханова Т. М., Бессокирная Г. П., Большакова О. А. Областные центры как пространственная среда адаптации городских рабочих в меняющемся обществе // Вестник Омского университета. Сер. Экономика. 2019. Т. 17. № 2. С. 168–184. DOI: [https://doi.org/10.25513/1812-3988.2019.17\(2\).168-184](https://doi.org/10.25513/1812-3988.2019.17(2).168-184)
9. Караханова Т. М., Бессокирная Г. П., Большакова О. А. Повседневная деятельность рабочих: труд, быт, досуг. [Электронный ресурс] / Т. М. Караханова, Г. П. Бессокирная, О. А. Большакова. М.: Институт социологии РАН, 2015. 100 с. илл. 1. CD-ROM.
10. Караханова Т. М., Большакова О. А. Общее и особенное в использовании времязресурса повседневной жизни у рабочих разного возраста // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 3 (22). С. 98–136. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.22.3.473>
11. Козырева П. М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 24–35.
12. Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М.: Новый хронограф, 2013. 328 с.
13. Козырева П. М., Смирнов А. И. Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 66–78. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518060065>
14. Козырева П. М., Смирнов А. И. Особенности и тенденции адаптации россиян к изменяющимся условиям в постсоветский период // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей]. Вып. 14. / Отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. С. 133–171.
15. Козырева П. М., Смирнов А. И. Социальные гарантии и льготы по месту работы: нестабильность и неутешительная динамика // The Journal of Social Policy Studies. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/11472> (дата обращения: 12.04.2021).
16. Латова Н. М. Влияние кризиса на удовлетворённость россиян своей жизнью и их социально-психологическое самочувствие // Российское общество и вызовы времени. Книга третья / Под ред. Горшкова М. К., Тихоновой Н. Е. М.: Весь мир, 2016. С. 41–64.

17. Логинов Д. М. Как российское население пережило кризис второй половины 2010-х годов // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-41-61>

18. Логинов Д. М. Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 470–487. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708>

19. Повседневная деятельность городских жителей в годы реформ: бюджет времени, ценности, тенденции (1986–2008) / Под общ. ред. Т. М. Карахановой. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2010. 344 с.

20. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>

21. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 43–53.

Статья поступила 13.04.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бессокирная Галина Петровна, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.741

Social Adaptation of the Younger and Older Generations of Workers in Modern Russia

Gallina P. Bessokirnaya

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: gala@isras.ru

ORCID ID: 0000-0001-7099-7772

For citation: Bessokirnaya G. P. Social adaptation of the younger and older generations of workers in modern Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 145–163. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.741

Abstract. A comparative analysis of the social adaptation of the younger and older generations of workers in modern Russia is undertaken based on the combined RLMS-HSE data set (1994–2019) and the primary data of two studies at a specific industrial enterprise. Intergenerational differences in the effectiveness of social adaptation of two generations of Russian workers during 2006–19 is studied. The younger generation includes workers born in 1985 and later. Their socialization was carried out mainly already in post-Soviet Russia, and the entry into working age took place in the 2000s. The older generation is formed by workers born no later than 1984. To assess the effectiveness of social adaptation of two generations of workers, indicators of satisfaction with work, material situation and life in general is used. The ways of market adjustment, that served as additional sources of income, are considered. Particular attention is paid to the dynamics of the social adaptation of workers in 2014–19, that is, against the background of a decrease in real money incomes of the population. During these years, along with the dynamics of the most important indicators of the social well-being of workers at a particular industrial enterprise in Omsk (the regional center of the Russian Federation), the dynamics of three active ways of their social adaptation (agricultural labor on a land plot, secondary employment, educational activity) are revealed. It has been found that intergenerational differences in the effectiveness of social adaptation of Russian workers are insignificant, and since 2013 there have been no statistically significant differences in job satisfaction and satisfaction with the material situation. In 2015–16

and in 2019, there were also no intergenerational differences in life satisfaction in general. The work shows that the social and economic situation in the country has a predominant impact on the social adaptation of the younger and older generations of workers. Important factors that determine the success of social adaptation are the living conditions at the place of residence (in a settlement of a certain type) and the general situation at the main job.

Keywords: social adaptation, social well-being, job satisfaction, material satisfaction, satisfaction with life in general, agricultural labor on a land plot, secondary employment, educational activity, the younger generation, the older generation, workers, regional centers of the RF

References

1. Avraamova E. M., Loginov D. M. The Population's Adaptation to the New Economic Reality. *EKO*, 2018: 2: 86–102. (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-6-86-102>
2. Bessokirnaya G. P. Strategii vyzhivaniya rabochih [Survival strategies for workers]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2005: 9: 49–54 (in Russ.).
3. Bessokirnaya G. P. Social'noe samochuvstvie rabochih [Social well-being of workers]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2007: 3: 34–37 (in Russ.).
4. Bessokirnaya G. P. Dinamika social'nogo samochuvstviya rabochih v transformiruyushcheysya Rossii [Dynamics of workers' social well-being in a transforming Russia]. Pitirim Sorokin i paradigmy global'nogo razvitiya XXI veka (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya): Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, Syktyvkar, 21–22 avgusta 2014 g.: sbornik nauchnyh trudov. Ed. by I. E. Fadeeva, V. A. Sulimov, L. V. Gurlenova. Syktyvkar, SyktGU, 2014: 179–189 (in Russ.).
5. Bessokirnaya G. P., Temnickij A. L. Social'naya adaptaciya rabochih v transformiruyushchemsya obshchestve: osnovnye polozheniya programmy i nekotorye rezul'taty issledovaniy [Social adaptation of workers in a transforming society: main provisions of the program and some research results]. *Mir Rossii*, 2000: 4: 103–124 (in Russ.).
6. Karavaj A. V. Changes in the strategies of social and economic adaptation of Russians in the late 20th and early 21st centuries. *Journal of Institutional Studies*, 2020: 1: 144–159. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159>
7. Karavaj A. V. Main patterns of socio-economic adaptation in different strata of Russian society. *Terra Economicus*, 2019: 3: 128–145. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145>
8. Karahanova T. M., Bessokirnaya G. P., Bol'shakova O. A. Regional centers as a spatial means of adaptation for urban workers in a changing society. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Ekonomika*, 2019: 2: 168–184. (in Russ.). DOI: [https://doi.org/10.25513/1812-3988.2019.17\(2\).168-184](https://doi.org/10.25513/1812-3988.2019.17(2).168-184)
9. Karahanova T. M., Bessokirnaya G. P., Bol'shakova O. A. Daily Behavior of Workers: Work, Housekeeping, Leisure [Electronic resource]. Moscow, Institut sociologii RAN. 2015: 100: 1 CD ROM (in Russ.).
10. Karahanova T. M., Bol'shakova O. A. General and specifics in the use of time resources in daily life by workers of different ages. *Vestnik instituta sotziologii*, 2017: 3(22): 98–136. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.22.3.473>
11. Kozyreva P. M. Social adaptation of Russia's population in the post-Soviet period. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2011: 6: 24–35 (in Russ.).
12. Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnov A. I. Resursy i praktiki social'no-ekonomicheskoy adaptacii naseleniya Rossii [Resources and practices of socio-economic adaptation of the population]. Moscow, Novyj hronograf. 2013: 328 (in Russ.).
13. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Life in uncertain conditions of a crisis society: experience and expectations. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 6: 66–78. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518060065>
14. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. The peculiarities and tendencies of adapting Russians to the ever-changing conditions of the post-soviet period. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik [sbornik nauchnyh statej]* / Ed. By M. K. Gorshkov; Institut sociologii RAN. Moscow, Novyj hronograf. 2016: 14: 133–171 (in Russ.).

15. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Social Guarantees and Benefits at the Workplace: Instability and Unpromising Dynamics. *The Journal of Social Policy Studies*. Accessed 12.04.2021. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/11472> (in Russ.).
16. Latova N. M. Influence of the crisis on satisfaction of Russians with their lives and their social and psychological well-being. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga 3* / [Russian society and challenges of the time. Book 3] / M. K. Gorshkov [et al.]; Ed. by Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. Moscow, Ves Mir, 2016: 41–64 (in Russ.).
17. Loginov D. M. How the Russian population survived the crisis of the second half of the 2010s. *Voprosy ekonomiki*, 2020: 12: 41–61. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-41-61>
18. Loginov D. M. Social well-being of the Russian population during the acute phase of the epidemiological crisis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2020: 6: 470–487. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708>
19. Povsednevnyaya deyatel'nost' gorodskih zhitelej v gody reform: byudzhety vremeni, cennosti, tendencii (1986–2008) [Everyday activities of urban residents during the reform years: time budget, values, trends (1986–2008)] / Ed. By T. M. Karahanova. Moscow, Institut sociologii RAN, 2010: 344 (in Russ.).
20. Radaev V. V. Millennials compared to previous generations: an empirical analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 3: 15–33. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>
21. Tikhonova N. E., Karavaj A. V. Resources of Russians in the crisis conditions: dynamics and role in adaptation to new conditions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016: 10: 43–53 (in Russ.).

The article was submitted on: April 13. 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina P. Bessokirnaya, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia